

АЛЕКСАНДР СТЕГНИЙ,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, теории и методологии Института социологии НАН Украины

Предметное поле социологии окружающей среды¹

Abstract

Substantially analyzing the notions of “social ecology” and “environmental sociology” interpreted by their adherents, the author concludes about a nearly complete terminological parallelism in a sociological approach to the study of societal-environmental interactions. In addition, considerable attention is paid to the theoretical discourse of environmental sociology and classification of the present-day investigations in the sphere of social ecology with regard to an interdisciplinary status of this branch of sociological knowledge.

“Социальная экология” и “социология окружающей среды”: поиск общего и различного

Ознакомление с доступными дидактическими материалами по социологическому изучению экологической проблематики, которые предлагают российские и украинские авторы, а также с дальнейшим развитием этой проблематики в международной социологии заставило меня написать данную статью. Приходится признать, что мои надежды на четкое размежевание по линии “социальная экология — экологическая социология” в постсоветской социологии, которое я пытался доказать почти десять лет назад², оказались напрасными.

---

¹ Под окружающей средой в данном случае мы понимаем природную и искусственную/технологическую, а не социальную среду.

² См.: *Стегний А.Г.* Терминология экологической проблематики. Критический анализ // Социологические исследования. — 1999. — № 10. — С. 128–134.

Детальное изучение социологических справочных изданий конца 1990-х годов дало мне основания для вывода о неоправданном смешении понятий социальной экологии и экологической социологии. Подытоживая имевшиеся в то время вариации толкования этих понятий, я констатировал нетождественность построения соответствующих парадигм. Если предмет социальной экологии очерчивается социоэкологическими законами, то для экологической социологии это социальные процессы в ходе социализации природы. Поэтому для “чистоты” научной парадигмы и достижения консенсуса в научной среде целесообразно не “загонять” социальную экологию в рамки отраслевой социологии или, наоборот, “растворять” экосоциологию в социальной экологии, ведь гораздо продуктивнее признать существование в постсоветской науке двух базовых подходов к социальному изучению взаимоотношений общества и природы.

Однако современная практика преподавания в постсоветской высшей школе свидетельствует о распространении разнообразных и противоречивых трактовок сущности как социальной экологии, так и экологической социологии. Для иллюстрации такого весьма пессимистического вывода воспользуюсь учебными планами и пособиями отдельных российских и украинских социологов.

Так, Ю.Пахомов в программе спецкурса “Социальная экология” для студентов бакалаврата факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета¹ рассматривает взаимодействие социальной экологии и инвайронментальной социологии как отраслей теоретической и прикладной социологии. Автор этой программы понимает общество как объект природных влияний, а объектом изучения социальной экологии полагает систему “общество–природа”, что никоим образом не объясняет правомерности отнесения социальной экологии к отрасли теоретической социологии. Экологическая социология в данной программе рассматривается отдельно от инвайронментальной социологии и относится к предметной области социальной экологии. В свою очередь, самый известный российский специалист в социологических исследованиях экологической проблематики А.Яницкий в своей главе коллективной монографии “Социология в России” фактически отождествляет понятия экологической и инвайронментальной социологии [1].

В новейших учебниках по социологии российских и украинских авторов [2] изложение материала по экологической социологии, как правило, носит описательный характер, содержит лишние широко известные обобщения, демонстрирует недостаточную конкретность и фрагментарность в подаче исследовательского поля этой отрасли социологического знания. При этом авторы не пытаются донести до читателей признанные в мировой социологии содержательные различия между понятиями социальной экологии, социологии экологических проблем и социологии окружающей среды.

Так, в учебнике под редакцией В.Городяненко параграф, посвященный социологическому изучению экологической проблематики, называется “Социология экологии”, что в принципе некорректно, учитывая наличие двух самостоятельных научных дисциплин. Рассмотрение предмета и объекта социологии экологии весьма эклектично, поскольку авторы сначала определяют

---

¹ <http://www.soc.pu.ru/inf/courses/521200/sococol.shtml>.

предмет социологии экологии, однако потом, без каких-либо объяснений, говорят собственно об объекте экологической социологии.

Противоречивость и неоднозначность подходов постсоветских социологов к изучению экологической проблематики продемонстрировал заочный круглый стол, инициированный журналом “Социологические исследования” [3]. При обсуждении предмета и теоретического статуса экологической социологии лишь трое участников дискуссии использовали именно этот термин, тогда как остальные говорили о “социальной экологии”. Одна из участниц обсуждения, И. Сосунова, была вынуждена признать: “...к сожалению, все еще остаются дискуссионными важнейшие вопросы: о месте социальной экологии в иерархии научного...” [4, с. 95].

Подобное сосуществование разных взглядов на социальное прочтение природы, без реального желания достичь консенсуса в терминологии в рамках социологического метода исследования экологической проблематики, отражает нашу оторванность от западной социологической школы и заставляет новое поколение социологов самостоятельно выяснять причины этого непонимания.

Интерактивная коммуникация автора статьи с ведущими западными социологами, самоидентифицирующимися как социологи окружающей среды¹, способствовала появлению новых аргументов в пользу употребления именно термина “социология окружающей среды” применительно к социологическому исследованию экологической проблематики.

Начать следует с уточнения перевода ряда англоязычных терминов, фигурирующих в социологических исследованиях экологической проблематики. Неадекватный перевод содержательной нагрузки этих терминов лишь усилил противоречия на пути к достижению консенсуса в отношении общенаучной методологии социологического изучения взаимодействия общества и природной окружающей среды.

Значительная часть (пост)советских и некоторые западноевропейские социологи ошибочно приписывают появление термина “социальная экология” Р. Парку, Э. Берджесу и Р. Маккензи. С другой стороны, отдельные авторы фактически отождествляют термин “социальная экология” с двумя англоязычными: “social ecology” и “human ecology”². В действительности же основатели Чикагской школы самоидентифицировались как экологи человека (human ecologists) по названию одноименной статьи Р. Парка “Экология человека” [5]. Именно такой перевод адекватен англоязычному термину “human ecology”. Для обозначения взаимоотношений человека как биологиче-

¹ Электронная переписка в январе–феврале 2008 года с североамериканскими социологами: одним из создателей новой экологической парадигмы в социологии Р. Данлепом (США), Е. Роза (США) и Г. Боуденом (Канада), а также с западноевропейскими коллегами: Й. Губером (Германия) и А. Модем (Нидерланды). Всем участникам интерактивного обсуждения задавалось два вопроса: чем принципиальным отличается социальная экология от социологии окружающей среды и почему каждый участник обсуждения отдает предпочтение в научном дискурсе именно последнему термину. Особую благодарность выражаю Е. Роза, который прислал еще не опубликованную свою статью, и Р. Данлепу за присланные пять публикаций по предмету этой дискуссии.

² Типичным примером может служить курс лекций О. Салтовского “Основы социальной экологии” (К., 1997. — С. 17).

ского организма с природной средой используют термин “аутэкология” (от греч. autos — сам).

Что касается термина “социальная экология” (social ecology), то его появлением мы обязаны уже забытому и недостаточно оцененному индийскому экономисту и социологу Радхакамаля Мукерджи. Его версия социальной экологии признает неограниченную зависимость социальной системы от физической окружающей среды. Он развивал идею, согласно которой вариации в социальной организации людей связаны с образом жизни, который, в свою очередь, объясняется флорой и фауной, находящимися в распоряжении общества [6]. Однако авторство термина “социальная экология” в наше время приписывают известному североамериканскому анархисту 60-х годов прошлого века Мюррею Букчину. Он считал, что социальная экология является радикальной философией, рассматривающей существующие экологические проблемы как коренящиеся в глубоко социальных проблемах, прежде всего в доминировании иерархической политической и социальной системы [7].

Отдельного рассмотрения также требует перевод на украинский язык англоязычного термина “environmental sociology”, имеющий обычно две версии: “инвайронментальная социология” и “экологическая социология”. Подавляющее большинство (пост)советских социологов фактически признают тождественность этих вариантов, тогда как развитие экосоциологической теории в современной североамериканской социологии дает основания говорить об их различии.

Р.Данлеп отмечает, что уже в начале 1990-х годов он наблюдал за развитием “экологической экономики”, которая постепенно превратилась в отдельное и важное поле исследований, обособленное и от ресурсной экономики, и от экономики природной окружающей среды. И этот факт дал повод Р.Данлепу и В.Катону выдвинуть идею развития именно “экологической социологии” (ecological sociology), базирующейся на положениях социологии окружающей среды, но с более выраженным экологическим акцентом [8]. Такая направленность стала очевидной в то время, когда название “социология окружающей среды” наконец получило распространение и легитимировалось как научная дисциплина, поэтому эти авторы отказались от данной идеи.

Однако дискуссии продолжаются, и в последней публикации Г.Боуден использует понятие “инвайронментальная социология” для маркировки методологии, а понятие “экологическая социология” — для обозначения соответствующей парадигмы социологического изучения экологической проблематики [9].

Современное толкование термина “социальная экология”, несмотря на многочисленные определения этого понятия, можно свести к двум основным: как течения социальной философии и как собственно академической дисциплины. Странники социальной экологии в первом толковании рассматривают ее как логически последовательную глубокую критику современных социальных, политических и антиэкологических тенденций, а также как реконструктивный, экологический, этический подход к обществу.

Что касается второго толкования социальной экологии, то именно здесь мы сталкиваемся с бесконечными дебатами о ее принадлежности к субдисциплинам социологии или экологии. Главный вывод этих дебатов заключается в том, что включение социальной экологии в социологию или же ее исключение варьирует в зависимости от традиций той или иной национальной социологической школы. Так, больше всего приверженцев социальной

экологии как специальной социологической теории приходится на (пост)советское пространство. Тогда как в североамериканской социологии термин “социальная экология” никогда широко не использовался. В западноевропейском социологическом сообществе также довольно четко прослеживается тенденция распространения термина “социология окружающей среды” в смысле методологии социологического исследования экологических проблем.

Инерция широкого употребления термина “социальная экология” в научном дискурсе, можно предположить, связана с долгой историей непризнания традиционной социологией экологической проблематики как предметного поля социологического анализа. А в (пост)советской социологии к этому обстоятельству добавляется специфика институционализации экологической проблематики в социологическом мейнстриме. Это акцентуация естественнонаучных подходов (поэтому акцент на экологии), негативные общественные условия, и как результат заторможенность и незавершенность институционализации. Тем самым предпосылки становления экологической социологии в (пост)советском пространстве качественно отличаются от социального контекста ее развития в индустриально развитых странах Запада. О.Яницкий выделяет следующие особенности этого процесса [10]:

- неудовлетворительное обеспечение ученых соответствующей информацией из-за ее закрытости или отсутствия;
- отсутствие адекватной рефлексии общества по отношению к ресурсозатратному типу экономического развития;
- отсутствие у многих граждан бывшего Советского Союза ощущения национальной и территориальной идентичности, а отсюда — формирование установок безответственности (по выражению О.Яницкого, идеология и политика “ликвидации корней”);
- догматичное доминирование общественных наук над естественными давало возможность историческому материализму в качестве официальной общесоциологической теории истолковывать социальные факты как первичные, а природные предпосылки общественной деятельности — как сугубо второстепенные;
- незавершенность институционализации научного социологического сообщества.

Содержательное наполнение терминов “социальная экология” и “социология окружающей среды” их приверженцами дает основания говорить о фактическом терминологическом параллелизме в обозначении социологического подхода к изучению взаимоотношений общества и природной окружающей среды. Проблема заключается в том, что в условиях интернационализации социологического знания, что находит проявление в международных социологических проектах, ознакомлении с электронными и бумажными носителями информации социологической информации и коммуникации в рамках международных профессиональных ассоциаций, необходимо использование единого профессионального тезауруса. Иными словами, нужен разумный компромисс между потребностями общественной практики и современным развитием общенаучной методологии социологического изучения экологической проблематики.

Одним из возможных путей решения этой задачи может быть обсуждение на очередном заседании Исследовательского комитета 24 в ходе следу-

ющего конгресса Международной социологической ассоциации, который должен состояться в Швеции в 2010 году. Разумеется, подобное обсуждение целесообразно проводить при участии ведущих теоретиков социологии окружающей среды и социальной экологии.

Автор данной статьи является сторонником использования термина “социология окружающей среды”, мотивируя это следующим образом.

Различие между социальной экологией и экологической социологией заключается в различении родовых понятий “экологии” и “социологии”. Общей моделью образования терминологических словосочетаний является добавление обозначений признаков к термину, который определяет родовое понятие.

Имея в качестве исходного понятие “социология” и добавляя к нему прилагательное “экологическая”, в отличие от классической социологии, получим понятие “экологическая социология”, являющееся более узким по объему по сравнению с исходным понятием. Таким образом мы ограничиваем понятие социология. Соответственно, социальная экология, по признанию некоторых исследователей, должна включать в качестве субдисциплины экономическую, демографическую, урбанистическую, футурологическую и правовую экологию.

Такой подход вполне согласуется с предложением Н.Лукашевича и Ю.Яковенко о целесообразности изменения названия “инвайронментальная социология” в ряду других “предикативных социологий” и акцентирования внимания на родовом понятии [11].

Сохранение калькированного варианта перевода с английского “инвайронментальная социология” игнорирует различия национальных языков, используемых социологами. Так, в немецкой социологии для перевода указанного термина с английского используют немецкий эквивалент “Umweltsoziologie” [12], который переводится на русский как “социология окружающей среды”. В современном англо-украинском словаре социологических терминов понятие “environmental ecology” переводится аналогично — как “экологія довкілля” [13, с. 44]. Следовательно, перевод “environmental sociology” как “социология окружающей среды” является вполне логичным и оправданным. Сразу замечу, что под понятием “окружающая среда” понимается именно природная и искусственная/технологическая, а не социальная среда.

Я полностью согласен с мнением О.Яницкого о том, что “слово “среда” следовало бы написать с большой буквы, поскольку нет в современном мире — ни теоретически, ни практически — деления на среду природную, техногенную и социальную. Природа социализирована, социальная жизнь технизирована, технологии все больше биологизируются. Поэтому лишь условно и только в аналитических целях можно разделить эти понятия” [14, с. 41].

Теоретический дискурс социологии окружающей среды

В 1977 году на ежегодном собрании Американской социологической ассоциации Р.Данлеп и К.Ван Лидере впервые заявили о методологическом характере социологии окружающей среды и систематизировали первые результаты исследований в рамках новой экологической парадигмы.

Если окинуть взором тридцать лет существования социологии окружающей среды, то определенные тенденции очевидны. Во-первых, социологические исследования взаимосвязи общества и природы институционализи-

ровались как часть социологии окружающей среды, включая специальные периодические издания и профессиональные ассоциации. Во-вторых, как свидетельствуют современные теоретические обзоры¹, теоретическое разнообразие среди самоидентифицирующихся социологов окружающей среды со временем увеличилось. Действительно, вариативность теорий в социологии окружающей среды приближается к разнообразию теоретических традиций в социологии в целом: марксистская, дюркгеймовская, веберовская, мир-системная, социально-конструктивистская. В-третьих, предмет социально-экологического исследования всегда является междисциплинарным, поскольку его объектом выступают социобиотехнические системы. В-четвертых, развитие теории в социологии окружающей среды достигалось в процессе “позеленения” предшествующих теорий. Иначе говоря, ядро каждой из ранее созданных социологических теорий не претерпело существенных изменений. Модификация была достигнута за счет расширения поля социологического теоретизирования, то есть интегрирования ранее игнорируемых вещей (отношений) в саму материю существующих теорий. Однако основная ориентация социологических теорий на использование подхода социального конструктивизма осталась неизменной.

Самоидентифицирующиеся социологи окружающей среды склоняются к признанию основных положений Новой экологической парадигмы (НЭП) и, отсюда, рассматривают себя в качестве исследователей в рамках парадигмы, отличной от традиционной социологии. НЭП, с точки зрения ее приверженцев, привносит в социологию концептуальный смысл онтологии среды, а ее новизна состоит в принципиальном отказе от базовых импликаций, которые содержит традиционная социально-экологическая теория.

НЭП предлагает отказаться от рассмотрения среды как природной окружающей среды, поскольку мир природы является лишь частью среды человеческого существования. Даже если нас интересуют социальные последствия только природных явлений, то они сегодня в большей или меньшей мере уже социализированы или просто представляют собой социальные конструкты. Странники данной парадигмы выступают против смешения понятий “природная среда” и “мир природы”, поскольку речь идет о двух разных онтологиях. Если в случае восприятия природы как “среды” каждый отдельный природный объект не имеет самостоятельной ценности и может быть заменен другими аналогичными объектами, то при восприятии природы именно как “мира природы” каждый такой объект признается принципиально уникальным и неповторимым.

Под углом зрения теоретиков социологии окружающей среды понятие “среда”, в отличие от понятия “окружение”, означает не только и не столько пространство “вокруг”, сколько пространство “между”. Наиболее близка к пониманию онтологии среды категория “этос”, под которой в современных исследованиях понимают разделяемую с другими актуальность бытия, что

¹ Redclift M., Woodgate G. (eds.). The International Handbook of Environmental Sociology. — London, 1997; Dunlap R., Buttel F., Dickens P., Gijswijt A. (eds.). Sociological Theory and the Environment: Classical Foundations, Contemporary Insights. — Lanham, 2002. — P.3–32; Катерный И.В. Экологическая перспектива в социологии: за и против // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. ВЦИОМ. — 2004. — №2. — С. 78–86.

обуславливает возможность любой социологически значимой интерсубъективности, будь то человек–человек или человек–животное¹.

Наконец, приверженцы НЭП признают единственной онтологической реальностью только среду, она — единственное, что имеет место в реальности, поскольку непосредственно связана с человеческим присутствием. В свою очередь, структурно-функциональный подход в рамках системной теории выхолащивает понятие среды до уровня внешнего (природного) окружения системы (социальной организации). Таким образом, либо понятие “среда” фактически утрачивает качественную определенность в смысле совокупности ограниченных условий, которые могут быть сужены или расширены в зависимости от технологий и способов организации, доминирующих в данной популяции, либо среду понимают как то, что обуславливает возможности и устанавливает пределы для социального и психологического существования и развития².

Риски целенаправленного воздействия социальных субъектов на природную среду возвращаются обычно другим социальным субъектам и обществу в целом в виде “отдачи среды”, объемы и временной континуум которой трудно прогнозировать. Поэтому социология окружающей среды призвана исследовать не столько каузальные цепи, сколько вероятные эффекты природной среды, по терминологии У.Бека, “эффекты бумеранга”. По мнению О.Яницкого, правомерно говорить об “отдаче среды”, обладающей своими закономерностями и структурами, как о предмете социально-экологического анализа [15, с. 133].

Эпистемологическое значение для социологии НЭП, как заявляют ее авторы, заключается в том, чтобы переосмыслить традиционную для социологии дюркгеймианскую норму “социологичности” — объяснять социальные факты социальными фактами. В этом смысле в парадигме социологии окружающей среды речь идет не только о том, чтобы снять противоречие между обществом и природой, социальным и несоциальным, что в значительной мере было достигнуто в традиционной социальной экологии. Гораздо важнее ориентация на то, чтобы снять противоречие между субъектом и субстанцией, то есть между индивидом и обществом, а также индивидом и природой. Это означает, что в социологии окружающей среды следует различать два концептуальных подхода — методологический инвайронментализм и методологический натурализм.

Первый, позитивистский подход рассматривает окружающую среду как объект изучения с целью дальнейшего управления им, выявления его способности как носителя (carrying capacity) по отношению к техногенной нагрузке и соответствующим социогенным рискам. Второй, постпозитивистский подход интерпретирует окружающую среду как живой организм, имеющий свои специфические закономерности функционирования, свои права и возможности их отстаивать. Фундаментом первого подхода служит универсальная модель познания, а второго — качественная и контекстуальная модель окружающей среды.

---

¹ *Introna L.D.* Social Systems, Autopsies and Language : Paper submitted to XIV ISA Word Congress, 1998. — P. 4.

² *Баньковская С.П.* Общетеоретические и методологические основания социально-экологических концепций. — URL:<http://rc.msses.ru/rc/Glava 1.htm>.

Позитивизм основывается на убеждении в способности рационального разума контролировать природный и социальный мир. Как методологический инструмент позитивизм представляет собой четко отрегулированный подход к решению проблем и достижению целей. В свою очередь, суть методологического натурализма заключается в переходе “от традиционной опоры на отстраненную научную верификацию к контекстуальному, дискурсивному пониманию социального исследователя. С этой точки зрения социально-экологическое знание понимается как встроенное в контекст времени и социальных обстоятельств” [15, с. 134–135].

По мнению О.Яницкого, НЭП прежде всего является социокультурной парадигмой, поскольку ее суть сводится к равенству всех живых существ и ограничению их жизнедеятельности биофизической средой [16, с. 85]. Следует согласиться с российским социологом в том, что оформленный в рамках НЭП императив ограничения предполагает самые разнообразные способы его истолкования, не объясняя, какие именно это ограничения: биосферные ограничения условий существования общества или социокультурные ограничения, накладываемые обществом на свою деятельность. К принципиальной слабости этой парадигмы также следует отнести отсутствие способов достижения человеческой общностью соблюдения ограничений, накладываемых биосферой на ее жизнедеятельность.

Почему НЭП не стала общесоциологической парадигмой, в значительной мере объясняется конкретным политическим и культурным контекстом, в котором вырабатывается социально-экологическое знание. Среди конкретных причин О.Яницкий выделяет следующие: уменьшение сферы непосредственного подчинения человека законам биосферы; отсутствие у природы “собственного лоббиста” в сфере социальной регламентации в условиях противостояния защитников природы силам, определяющим социальный порядок; продолжительный временной континуум биосферных процессов и их последствий, тогда как для современного общества жизненно важное значение имеют только ценности презентизма; опосредованное действие биосферы на человека; отсутствие адаптации терминологии научного дискурса по экологическим проблемам к уровню рядовых граждан; экологические риски, за исключением простейших, не ощущаются человеком и “не включены в программы институциональной и уличной социализации и культурной трансформации” [16, с. 87].

Разработка НЭП не привела к кардинальным изменениям в парадигме социологической теории также вследствие заимствования извне, от традиционной дисциплины таких определяющих ее концептов, как идея о несущей способности природной окружающей среды и существовании биологических ограничений жизнедеятельности человеческого сообщества. Социологи окружающей среды воспользовались биологической терминологией для обозначения ограниченности ресурсов (в противовес экономической ориентации, которой традиционно придерживалась классическая дисциплина), поэтому имело место скорее “позеленение” социологической теории, нежели ее радикальная ревизия. Дополнительным препятствием послужили продолжающиеся теоретические разногласия между экономическими оптимистами и неомальтузианцами, приверженцами реалистической и конструктивистской онтологии экологических проблем.

Несовершенство и незавершенность НЭП побуждает сторонников социологии окружающей среды предпринимать дальнейшие шаги для теоре-

тического развития этой отрасли социологического знания. Здесь уместно вспомнить Л.Милбреса, предложившего более развернутую версию Новой экологической парадигмы. В отличие от парадигм У.Каттона и Р.Данлепа, новые теоретические конструкции базируются на анализе международных эмпирических исследований и учитывают различия базовых социально-культурных ориентаций с той или иной экологической составляющей середины 80-х годов прошлого века [17].

Особого внимания заслуживает “социология экологических потоков” (sociology of environmental flows), приверженцы которой рассматривают ее как программу действий социологии окружающей среды в новом тысячелетии.

В известной работе М.Кастельса “Сетевое общество” (1996) новая динамика модерности рассматривается как “пространство потоков” versus “пространство места”. “Пространство потоков” связано с технологической возможностью организации определенного числа социальных практик независимо от географической принадлежности. Смысл и функция “пространства потоков” зависят от потоков внутри сетей, в отличие от “пространства мест”, в котором смысл, функции и место жестко детерминированы. Пространство потоков соотносят с новой социальной динамикой, новыми концептами времени, пространства и власти.

Социология окружающей среды изначально была мульти- и междисциплинарной и ориентированной на требования экологической политики. Именно поэтому не возникло серьезных барьеров между экологией и социологией окружающей среды. Социологи окружающей среды всегда рассматривали субъекты в совокупности с природными объектами, постоянно использовали экологические потоки как иллюстрацию глобальных потоков.

В традиции экологов и социологов окружающей среды существовал двойкий подход к изучению экологических потоков. Во-первых, они анализировали экологические потоки в терминах биологических наук и использовали биофизические термины, объединяющие биологические и физические объекты. Например, под биогеоценозом понимается комплекс биоты (живых объектов) и абиоты (неживых объектов), неотъемлемой частью которого являются потоки веществ и энергии (кругооборот веществ в природе). Во-вторых, экологи анализировали экологические потоки в терминах социальных наук, оценивая влияние процессов модернизации и трансформации социальных институтов на состояние природной окружающей среды.

В русле социологии потоков¹ социологическое исследование экологических потоков основывается на трех главных положениях [18, с. 13]:

- между человеческой производственной деятельностью, сферой потребления и природной окружающей средой в разных формах происходит движение веществ и энергии;
- в пределах природной окружающей среды имеет место нарушение потоков веществ и энергии;
- в человеческой деятельности, направленной на производство и потребление, отсутствуют закрытые потоки веществ и энергии.

---

¹ Впервые развернутый анализ этого направления социологического теоретизирования представлен в статье: *Urry J. Mobile Sociology // British Journal of Sociology. — 2000. — № 1. — P. 185–203.*

Социология потоков может реинтерпретировать отдельные аспекты исследования социологии окружающей среды, которые никогда не идентифицировались с потоками и потоковым анализом. В социологии потоков следует говорить не обязательно и не только о материальных потоках. Они могут быть также преимущественно социальными или комбинированными. Таким образом, исследования социологии окружающей среды, фокусирующиеся, например, на социальных движениях и экологических неправительственных организациях (НПО), на экологической информации, знании или на дискурсах, идеях, нормах и ценностях, могут рассматриваться под новым углом зрения. Движение экологических идей, информации, сетей экспертного знания может, согласно социологии потоков, интерпретироваться одновременно как в основном материальные потоки.

В социологии окружающей среды примером анализа материальных и нематериальных потоков, в которых сочетаются социальные практики и институты, может служить теория “жерновов производства” (treadmill of production) Алана Шнайберга [19]. Он интерпретировал процессы и последствия капиталистической деятельности в терминах “добавлений” (additions) и “изъятий” (withdrawals), утверждая, что такое производство виновно в появлении в природной окружающей среде загрязнений (“добавлений”), использовании невозобновляемых и чрезмерной эксплуатации возобновляемых природных ресурсов (“изъятий”).

А.Шнайберг фокусирует свое внимание на изучении процессов производства и их последствий, из-за которых состояние окружающей среды ухудшается вследствие потоков “добавлений” и “изъятий”, нарушающих природный баланс. В более поздних работах он совместно с К.Голдом развивает теорию “жерновов производства” в контексте глобальных измерений, отмечая, что сети транснациональных компаний распространяются в странах третьего мира и несут с собой изменения направлений потоков “добавлений” и “изъятий” [20].

Добавление или изъятие экологических потоков в дополнение к социальной структуре открывает для социологов окружающей среды новые перспективы. Это существенно расширяет содержательную нагрузку экологических потоков и открывает новую перспективу развития дискурса социально-экологических и естественных наук в плане изучения взаимодействия социального и материального, создает предпосылки приближения естественнонаучного анализа материальных потоков к социологическому пониманию добавления/изъятия экологических потоков. Социология потоков предлагает также подходы к сочетанию исследований экологических потоков с другими сферами исследований социологии окружающей среды, в частности с исследованием социальных движений. Наконец, она открывает социологии окружающей среды новые концептуальные конструкты власти и неравенства, связывая их в большей мере с доступом к собственно материальным потокам.

В анализе и понимании экологических потоков нового столетия в глобальном измерении главным исходным пунктом должна стать дифференциация пространства, сетей и потоков и выявление комбинаций особых (специфических) потоков и характерных социальных каркасов, “направляющих” эти потоки. Экологические потоки следует распределять по категориям традиционных потоков и веществ энергии (включение и исключение из расчетов отходов, электрической энергии, воды, железной руды и т.п.), мобильных материальных объектов, имеющих артикулированный экологический профиль

(автомшины, зеленая продукция и т.п.) и нематериальных экологических потоков (экологическая информация, экологические движения, экологические дискурсы, концепции экологического менеджмента). Такие потоки могут быть интерпретированы с учетом пространства, глобально интегрированной сети и/или глобальной перспективы мобильности. Анализ материально-технологического и социоинституционального конструктов движения экологических потоков позволяет углубить их анализ. В результате специфическая комбинация экологического потока и социального конструкта должна привести нас к идентификации и анализу латентных цепей, выявлению механизмов добавления и изъятия в пространстве потоков и соответствующих форм социального управления в рамках сетевого общества.

Хотя социология окружающей среды не принесла изменения общесоциологической парадигмы, это не отрицает необходимости подобного изменения. В современных эмпирических исследованиях некоторые ученые приходят к выводу о том, что системы, объединяющие людей и природу, не являются интеракциями автономных социальных и природных систем [21, с. 121–146]. Исследователи приводят доводы в пользу того, что социальные и природные системы включены в процесс коэволюции. Это предполагает потребность в интегрированной структуре, которая бы охватывала природный и социальный аспекты, однако такого рода развитие теоретизирования еще впереди.

В данный момент большинство исследователей согласны с тем, что сложность экологических проблем нельзя понять и осмыслить, если естественные и социальные науки будут действовать разрозненно. Тем не менее за последние двадцать лет так и не удалось создать интегральной методологии и концепции в экологических и социальных науках применительно к анализу проблем добавления и изъятия. Частично это можно объяснить отсутствием таких междисциплинарных концептуальных трудов, которые бы позволяли реализовывать привлекательные проекты по разным дисциплинам.

Существенной преградой на этом пути является ощутимое смещение акцентов в социальных науках, включая социологию, на исследование существующих технологий и технологического развития. Это смещение становится очевидным, если сравнить социологию потоков, например, с теорией структуриации.

Если Э.Гидденс уделяет не слишком много внимания технологическому развитию и его влиянию на социальный порядок и институциональные изменения, то в теории сетевого общества М.Кастельса и современных разработках Дж.Ури по социологии мобильности технологии отведено ключевое место в объяснении социального развития и изменений. Здесь технологические решения не ограничиваются рамками производства. Технология признается важным компонентом власти, а также играет важную роль в формировании опыта¹.

Такое внимание к технологическому развитию в интерпретациях и критике поздней модерности одобрительно воспринимают социологи окружающей среды, поскольку технологическая инфраструктура всегда занимала

---

¹ Поскольку технология пронизывает производство, потребление, опыт, власть и культуру, М.Кастельс предлагает рассматривать технологию как «специфический компонент социальной структуры, согласно старой традиции экологии человека» (*Castells M. Materials for an exploratory theory of network society // British Journal of Sociology. — 2000. — № 1. — P. 9*).

центральное место в их исследованиях коммунальной инфраструктуры, промышленных предприятий, экологических технологий или товаров потребления, таких как автомобили и компьютеры. В частности, стержневая идея теории экологической модернизации заключается в том, что воплощение технологических инноваций и новых социальных практик может изменить потоки природных ресурсов, энергии и загрязнения и уменьшить негативное влияние производства на природную окружающую среду.

Приведенный краткий обзор теоретического дискурса подтверждает тот факт, что социология окружающей среды имеет дело с достаточно сложным взаимодействием социальных субъектов и природных объектов. Наряду с этим, исходя из комплексного характера социально-экологических проблем, социология окружающей среды может внести свой вклад в общую социологическую теорию.

Главный вопрос в том, как контролировать и оценивать вовлеченные в техногенезис природные ресурсы, соответствующую продукцию и отходы производства по их влиянию на людей и природную окружающую среду как в процессе производства, так и на всех этапах потребления¹. Связанные с этим вопросы касаются того, как антропогенная нагрузка техносистемы обуславливается, а иногда даже определяется системой законодательства, экономической системой и другими регуляторами. Более перспективные вопросы касаются того, как эти регуляторные системы, в свою очередь, контролируются господствующей идеологией, системой норм и ценностей.

Типологизация направлений исследования

На момент провозглашения НЭП в социологии существовало два направления исследований, имевших отношение к экологическим проблемам. Это эмпирические исследования сдвигов в ценностных ориентациях от материальных к постматериальным, а также исследования тогдашних социальных движений. В современных условиях экологической проблематикой занимаются свыше десятка социальных наук, среди которых социологии окружающей среды принадлежит свой фрагмент общего поля социально-экологических исследований и роль важной объединительной силы в междисциплинарной коммуникации.

Основываясь на междисциплинарном подходе, к предметному полю социологии окружающей среды мы можем отнести целый ряд исследовательских тем, большинство из которых мы находим в публикациях представителей социологии окружающей среды². Немецкий социолог Йозеф Губер, учитывая опыт своих предшественников, выдвинул идею трехкомпонент-

---

¹ Этот вопрос инициирован Робертом Айресом в концепции “индустриального метаболизма”, которая рассматривает, под углом зрения природозащитных задач, весь комплекс затрат — от добычи сырья для производства соответствующей продукции до рекультивации земель с учетом экологического ущерба от эксплуатации продукции, которые могут существенно превышать издержки, обусловленные непосредственным производством этой продукции.

² *Buttel F.H.* New Directions in Environmental Sociology // *Annual Review of Sociology*. — 1987. — № 5. — P.465–488; *Яницкий О.Н.* Экологическая социология (программа курса) // *Социологические исследования*. — 1997. — № 2. — С. 122–132; *Макнотен Ф., Урри Дж.* Социология природы // *Теория общества. Фундаментальные проблемы*. — М., 1999. —

ной функциональной структуры социологии окружающей среды (нормативные функции, исполнительные функции и дивизиональная¹ организационная структура) и в этих рамках предложил типологизацию современных исследовательских тем [22], которую стоит привести подробнее.

1.1. Культурные нормативные функции:

- *экологическое сознание* с его компонентами, такими как знание, ценностно ориентированное сознание и готовность к действиям; такие исследования проводятся совместно с социальными психологами;
- культурная динамика ценностных *ориентаций и конкурирующих мировоззренческих парадигм*, включая разные представления о природе и различное отношение к экологически рискованным действиям и предотвращению рисков (проблематика, относящаяся преимущественно к компетенции социологии культуры и социологии знаний);
- *экологическая этика* в сотрудничестве с философами;
- исследования возникновения и диффузии экологического знания (как среди элиты, так и в широких кругах общественности, в частности среди социальных движений, ученых, представителей средств массовой информации и государственных институтов), выполняемые совместно с социологией СМИ и образования.

1.2. Политические нормативные функции:

- исследования современного развития разных ведущих экологических представлений и линий экологического дискурса (таких как дискурс модернизации, дискурс риска, дискурс устойчивого развития и дискурс роста эффективности экологических инноваций и индустриального метаболизма), которые проводятся совместно с политологами, экономистами, а также с использованием данных естественных и технических наук;
- изучение циклов изменения внимания общества к экологическим проблемам и освещения экологических проблем средствами массовой информации; это направление реализуется совместно с социологией СМИ;
- исследования программы первоочередных мер экологической политики и циклов осуществления экологической политики, реализуемые в рамках разных правительственных институций, транснациональных корпораций, НПО, промышленных предприятий, финансовых структур, обычно совместно с политологами.

2.1. Исполнительные функции в пределах компетенции правительственных структур:

- исследования разных моделей политики, направленной на защиту окружающей среды, включая анализ расстановки акторов, институционального окружения и экологических стандартов, а также юриди-

---

С. 261–291; *Diekmann A., Preisendörfer P.* Umweltsoziologie. Eine Einführung. — Reinbek, 2001; *Dunlap R.E.* Environmental Sociology // Bechtel R.B., Churchman A. (eds.). Handbook of Environmental Psychology. — New York, 2002; *White R.* (ed.). Controversies in Environmental Sociology. — Cambridge, 2004.

¹ От англ. “divisional structure” — организационная структура, состоящая из двух или более частей, каждая из которых достаточно независима и отвечает за конкретные направления деятельности или производство конкретного вида продукции.

ческих инструментов и административных процедур экологического регулирования, таких как процедура контроля соблюдения экологического законодательства, экологические налоги, выдача сертификатов на торговлю, регулирование конкуренции, добровольные обязательства, а также сертификация экологически чистой продукции;

- исследования в сфере *экологического планирования* на национальном и локальном уровнях, например: национальные экологические планы¹, местные инициативы по выполнению Программы действий “Повестка дня на XXI век”²; это направление реализуется совместно с политологами.

2.2. Исполнительные функции экономической деятельности:

- исследования системы экологического менеджмента на крупных и малых частных предприятиях в отраслях энергетики, сельского хозяйства, производства, транспорта, включая экологическую коммуникацию и практику выявления нарушений в деятельности частных корпораций; анализ осуществляется с привлечением специалистов по менеджменту, юристов и экономистов;
- исследования конкуренции, маркетинга и рекламы в сфере экологического бизнеса³ (выполняемые совместно со специалистами по менеджменту, экономистами и психологами);
- исследования экологических и этических аспектов инвестиционных и финансовых отношений (совместно со специалистами по менеджменту, экономистами и психологами);
- изучение экологического поведения потребителей, паттернов покупок и использования приобретенного в частном хозяйстве (совместно со специалистами по менеджменту, экономистами и психологами);
- изучение экологических эффектов экономической и производственной глобализации, мировой торговли и связанных с этим вопросов (совместно с экономистами и политологами);
- изучение экологических аспектов развития мировой системы с возможным фокусированием как на развитых странах, так и на развивающихся, отношения Север–Юг и т.п. (совместно с экономистами и политологами);
- исследования технологических экологических инноваций под углом зрения вопросов развития производства, расфасовки продукции и ее целевого назначения/использования (совместно с технологами и дизайнерами).

---

¹ Примером таких исследований в Украине является социологический анализ Национального плана действий по гигиене окружающей среды (*Stegniy O. Conditions for Environmental Agreements in the Ukraine // P. ten Brink (ed.). Voluntary Environmental Agreements: Process, Practice and Future Use. — London, 2002. — P. 228–239.*

² Принятый Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992).

³ В качестве примера см.: *Болан Р.С., Стегний А.Г.* Развитие экологически сбалансированного экобизнеса в Украине: опыт социологического исследования // Константы. — 1997. — № 1. — С. 27–32.

3.1. Дивизиональная организационная структура социальных групп и классов:

- исследования распространения экологически релевантных культурных парадигм, представлений о природе, образа жизни, паттернов потребительского поведения в соотношении с социальным статусом, классом, средой, должностью, гендером.

3.2. Дивизиональная организационная структура институционализированных секторов и сегментов производства/рынка:

- специализированные исследования взаимодействия социальных субъектов и природных объектов в отраслях сельского хозяйства и производства продуктов питания, генетической биотехнологии, химической и фармацевтической индустрии, энергетики, транспорта, промышленности, включая исследования конкретных случаев со схожими нормативными функциями и последствиями влияния на окружающую среду (совместно с политологами, специалистами по менеджменту и экономистами);
- аналогичные исследования случаев (case study) специфических проблем или специфических результатов использования бытовых приборов (например, стиральных машин), “постоянного хозяйствования” и т.п.

Исходя из этого перечня, видим, что исследовательское поле социологии окружающей среды действительно широкое. Диапазон исследовательских тем простирается от формирования экологического сознания до физических процессов и технологий производства/потребления, опосредованных социетальной коммуникацией и организацией как промежуточными звеньями между формированием сознания и проявлениями экологического поведения.

Поскольку предметное поле социологии окружающей среды многокомпонентное и качественно разнообразное, для проведения адекватного социологического анализа исследователь должен уметь социально интерпретировать несоциальные явления и процессы биологического или физического происхождения. Поэтому социологи окружающей среды должны иметь необходимый минимальный уровень профессиональной компетентности в естественнонаучных сферах знания.

Все темы в рамках такого спектра направлений действительно являются социологическими, что подтверждает необходимость вмешательства со стороны социологии окружающей среды и участия социологов как ассистентов в выполнении социально-экологического исследования. Вместе с тем, и в этом состоит особенность социологии окружающей среды, большинство тем должны быть общими со смежными дисциплинами. Социология окружающей среды не может не разделять свои темы с исследователями по другим дисциплинам, чьи подходы предполагают данные темы. Это должно восприниматься не как препятствие, а скорее как свидетельство перманентной потребности в междисциплинарной кооперации в сфере социальных наук.

В рамках самой социологии такая кооперация приведет к мобилизации определенных субдисциплин в социологии, привлечению конкретно-научного знания, что придаст ему новый импульс со стороны социально-экологических исследований. Среди субдисциплин социологии особенно релевантными в отношении экологии окружающей среды являются: социоло-

гия ценностей и норм; социология знаний; социология культуры; социология модернизации и инноваций; социология науки и исследований; социология техносистем; экономическая социология; социология организаций и управления; социология домохозяйств и потребительского поведения; социология СМИ; социология социальных движений; социология права; социология мировой системы.

Современный этап социологии окружающей среды характеризуется усилением активности ее сторонников, что свидетельствует о динамичном развитии этой сферы социологического знания. Подтверждением сказанному служит активность членов Исследовательского комитета 24 “Общество и окружающая среда” в рамках Международной социологической ассоциации, в частности в процессе подготовки к участию в Первом всемирном социологическом форуме под названием “Социологическое исследование и публичные дебаты”, который должен состояться с сентября 2008 года в Барселоне. Неожиданно большое количество заявок от членов этого комитета на участие в Форуме (всего 152) поставило перед его организаторами вопрос об увеличении количества секций с 14, отведенных в предыдущем варианте программы для социологов окружающей среды, до 21. Уже сам перечень названий этих секций свидетельствует о чрезвычайно широком диапазоне исследовательских интересов, в полной мере отражающем специфику предметного поля современной социологии окружающей среды [23].

Что касается отечественной социологии, то безусловно позитивным шагом является создание в рамках Социологической ассоциации Украины исследовательского комитета по вопросам экологической социологии, а также разработка специальных учебных курсов по экологической проблематике в отдельных высших учебных заведениях. Но мы отстаем от своих европейских и американских коллег, когда речь заходит об исследовательской тематике в этой отрасли социологического знания. Одним из первых шагов для преодоления такого отставания должна стать подготовка специального издания с систематизированным изложением современных направлений социологических исследований социально-экологической проблематики¹.

Недостаточное внимание к экологической проблематике в украинской социологии определяется политическим и культурным контекстом, в котором вырабатывается социально-экологическое знание. Прежде всего сказывается отсутствие экологических проблем среди национальных приоритетов и почти незаметная роль движения за экологическую справедливость, понимаемую как относительно равномерное распределение экологических рисков среди всех слоев населения.

Опыт длительного сотрудничества автора с экологическими неправительственными организациями Украины позволяет утверждать, что социологическое сообщество должно стать одним из акторов альтернативной экологической политики, которая будет противостоять превращению населения страны в исследовательскую лабораторию. Итак, полностью согласен с тезисом О.Яницкого, что кроме своей аналитической функции социологическое сообщество должно принять участие в поддержке экологически сба-

---

¹ Такой жанр в англоязычной литературе называется “handbook” — руководство, или справочник для основательного изучения какой-либо дисциплины, в нашем случае социологии окружающей среды.

лансированного развития социобиотехнических систем и помочь населению в отстаивании его конституционного права на безопасную природную окружающую среду.

Литература

1. Яницкий О. Экологическая социология // Социология в России / Под ред. В.А.Ядова. — М., 1998. — С. 454–473.
2. Тощенко Ж.Т. Социология. — М., 2007. — С. 197–210; Соціологія : Підручник для студентів вищих навчальних закладів / За ред. В.Г.Городяненка. — К., 2003. — С. 393–411.
3. Социально-экологические проблемы: научно-теоретический поиск и направления исследований // Социологические исследования. — 2005. — № 3. — С. 88–95.
4. Сосунова И.А. Социально-экологическая напряженность: методология и методика оценки // Социологические исследования. — 2005. — № 7. — С. 94–104.
5. Парк Р. Экология человека // Теория общества. Фундаментальные проблемы. — М., 1999. — С. 384–400.
6. Mukerjee R. Regional Sociology. — New York; London, 1926.
7. Bookchin M. What is Social Ecology? — <http://www.communalism.org/Archive/4/>.
8. Dunlap R.E. From Environmental to Ecological Problems // Calhoun C., Ritzer G. (eds.). Social Problems. — New York, 1993. — P. 707–738.
9. Bowden G. From Environmental to Ecological Sociology // K.Richmond (ed.). TASA 2004: Proceedings of the Australian Sociology Association, December 2004. — <http://www.tasa.org.au/about.publications.html>.
10. Яницкий О. Энвайронментальная социология: вчера и сегодня // Общественные науки и современность. — 1993. — № 2. — С. 76–77.
11. Лукашевич М., Яковенко Ю. Лист головним редакторам часопису “Соціологія: теорія, методи, маркетинг” // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2002. — № 4. — С. 244–245.
12. Mattias G. Die Natur der Gesellschaft: Eine Geschichte der Umweltsoziologie. — Weinheim, 2001; Huber J. Allgemeine Umweltsoziologie. — Opladen, 2001.
13. Англо-український соціологічний словник / Укл. В.Паніотто, Т.Пясковська, Т.Янсон. — К., 2006.
14. Яницкий О.Н. Социология риска. — М., 2003.
15. Яницкий О.Н. Производство социально-экологического знания. Статья 1. В поисках нормальной модели // Общественные науки и современность. — 2006. — № 5. — С. 130–140.
16. Яницкий О.Н. Экологическая парадигма как элемент культуры // Социологические исследования. — 2006. — № 7. — С. 83–93.
17. Milbruth L. Environmentalists: Vanguard for a New Society. — Albany, 1984.
18. Mol A.P.J., Spaargaren G. Towards a Sociology of Environmental Flows. A New Agenda for 21-st Century Environmental Sociology. Paper for the International Conference on “Governing Environmental Flows”, June 13–14 2003, Wageningen.
19. Schnaiberg A. The Environmental: From Surplus to Scarcity. — New York, 1980.
20. Schnaiberg A., Gould K. Environmental and Society. The Enduring Conflict. — New Jersey, 2000.
21. Gunderson L.H., Holling C.S. Panarchy: Understanding Transformations in Human and Natural Systems. — Washington, 2002.
22. Huber J. Environmental Sociology in Search of Profile. Paper prepared for autumn meeting of the section “Sociology and Ecology” of the German Society of Sociology. Bremen, 9 November 2001.
23. Environmental & Society // Newsletter of Research Committee 24. — 2007. — № 31 (November).